

245051

18 г.

САМОРАЗДЛІВШЕЄСЯ ЦАРСТВО.

(Очеркъ внутренняго саморазложенія старообрядческаго раскола—поповщины).

Публичная лекція

И. Громогласова.

39

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1904.

Отъ Московского Духовно-Цензурного Комитета печатать дозволяется,
Москва. Января 5 дня 1904 года.

Цензоръ Протоиерей Иоаннъ Петропавловскій.

САМОРАЗДѢЛИВШЕЕСЯ ЦАРСТВО.

(Очеркъ внутренняго саморазложения старообрядческаго раскола—
поповицы¹).

I.

Если бы мы могли перенестись за два съ половиной столѣтія до настоящаго момента, сохранивъ тотъ интересъ къ явленіямъ церковной жизни и сознанія, который собралъ насъ здѣсь, то многимъ изъ насъ пришлось бы быть близкими свидѣтелями, а быть можетъ—и непосредственными участниками событій, богатыхъ послѣдствіями чрезвычайной важности. Мы увидѣли бы небольшой, но тѣсно сплоченный кружокъ извѣстныхъ и вліятельныхъ представителей тогдашняго московскаго духовенства, погруженныхъ въ скорбное недоумѣніе и глубокое смущеніе «памятью» или распоряженіемъ, изданнымъ отъ лица высшаго представителя духовной власти, патріарха Никона²). Впечатлѣніе, произведенное «памятью», было настолько сильно, что—по картииному выражению одного изъ членовъ названаго кружка—у нихъ «сердце озябло и ноги задрожали» въ страшномъ предчувствіи надвигающейся

¹) Публичное богословское чтеніе въ залѣ Московскаго Епархіального дома 3 марта 1903 г.

²) Содержаніе этой, въ подлинномъ текстѣ не сохранившейся, „памяти“ о перстахъ и поклонахъ передано прот. Аввакумомъ въ его автобиографіи,—Матер. для истории раскола, изд. подъ ред. Н. Субботина, т. V, стр. 18. М. 1879.

«еретической зими». Еще более возрасло оно послѣ того, какъ глава и руководитель смущенной дружины, казанский протопопъ Иванъ Нероновъ, удалившись въ молитвенный затворъ на всю первую седмицу, въ концѣ ея сподобился, по его словамъ, чудеснаго откровенія, предупреждавшаго о необходимости ему и его друзьямъ твердость за ~~должающеся~~ русское благочестіе, не боясь предстоящихъ страданій и даже самой смерти¹⁾). Ободренные и воодушевленные этимъ откровеніемъ, друзья и единомышленники Неронова рѣшаются на энергичный отпоръ распоряженію патріарха, грозившему — какъ имъ казалось — цѣлости и чистотѣ православной вѣры. Одинъ изъ самыхъ начитанныхъ членовъ кружка, пришлый изъ Юрьева протопопъ Аввакумъ, въ сотрудничествѣ съ костромскими Даніиломъ, принимается за составленіе возраженія (въ видѣ «выписокъ изъ книгъ») на приказъ патріаршій и ходатайства о его отмѣнѣ²⁾). Въ виду того, что рѣчь шла о предметахъ, хорошо извѣстныхъ для всякаго старорусскаго начетчика, можно думать, что составленіе членитной заняло не много времени, и къ концу второй не-

дѣли поста (что, по числамъ, соотвѣтствуетъ третьей недѣлѣ въ текущемъ году) она уже была готова къ подачѣ царю отъ имени всей «братіи», въ составѣ которой, кроме названныхъ лицъ и еще вѣсколькихъ протопоповъ и священниковъ, былъ даже одинъ епископъ — Павелъ коломенскій. Такъ, ровно 250 лѣтъ тому назадъ, заявленъ былъ первый протестъ противъ распоряженій п. Никона, разросшійся потомъ до размѣровъ крупнаго народно-религиознаго движения, извѣстнаго подъ именемъ старообрядческаго раскола, — брошено первое зерно церковнаго раздѣленія, печальнымъ всходамъ котораго, быть можетъ, въ этотъ самый день истекаетъ срокъ $2\frac{1}{2}$ — вѣкового юбилея.

Что же это за распоряженіе, такъ сильно смущившее современниковъ и длинно цѣпью скорбныхъ послѣдствій отразившееся на судьбѣ ихъ отдаленыхъ и близкихъ потомковъ? Вникая въ содержаніе патріаршой «памяти», православный человѣкъ нашего времени не сразу, пожалуй, окажется въ состояніи понять связь между нею и послѣдующими событиями и не легко повѣрить искренности свидѣтельствъ о потрясающемъ впечатлѣніи, ею произведенномъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможна ли тревога за чистоту и незыблемость православія по поводу наставленія о томъ, что слѣдуетъ молиться тремя перстами, а не двумя, и полагать извѣстное количество малыхъ, а не земныхъ поклоновъ при чтеніи великопостной молитвы св. Ефрема Сиринѣ? И однако тревога была вызвана, а искренность ея такъ впечатльно засвидѣтельствована стойкостью первыхъ расколоучителей въ своихъ убѣжденіяхъ и ихъ печальною судьбой, что предъ лицемъ такого свидѣтельства не много остается мѣста для сомнѣній. Но чтобы вполнѣ уяснить себѣ историко-психологическую возможность указанного явленія, необходимо воспроизвести предъ своимъ сознаніемъ, хотя бы лишь въ самыхъ общихъ и основныхъ чертахъ, тотъ своеобразный укладъ понятій и настроеній, который характеризуетъ значительную часть русскаго общества въ половинѣ XVII вѣка. Это была

¹⁾ Тамъ же; ср. т. I, стр. 99—100. М. 1874.

²⁾ Эта первая по времени членитная противниковъ книжнообрядового исправленія, предпринятаго п. Никономъ, не сохранилась до нашего времени; о содержаніи ея мы знаемъ только, что она представляла отвѣтъ на приказъ о перстахъ и поклонахъ и что въ ней „много написано было“ (Матер. т. V, стр. 18—19). Послѣднее замѣчаніе даетъ основаніе думать, что возраженіе было не голословное, а сопровождалось извѣстнаго рода аргументацией. О характерѣ ея можно высказать довольно вѣроятное предположеніе, имѣя въ виду тѣ основанія въ пользу двѣрстія, какія могли вычитываться ревнителями обрядовой „старины“ въ 31 главѣ Стоглава, и тѣ возраженія по вопросу о поклонахъ, какія были сдѣланы немнogo позже, на соборѣ 1654 г., однимъ изъ членовъ ревнительского кружка, коломенскимъ епископомъ Павломъ (см. Дѣяніе московскаго собора 1654 г., изд. подъ ред. Н. Субботина, л. 21. М. 1873). „Выписки“ были поданы на имя царя, онъ же — замѣчаетъ прот. Аввакумъ — „не вѣмъ где скрыть ихъ, мнитися Никону отдалъ“ (Матер. т. V, стр. 19).

эпоха наивысшаго разцвѣта религиозно-националистических мечтаний, затемнившихъ въ сознаніи многихъ русскихъ людей великую идею вселенскаго православія и подмѣнившихъ ее представлениемъ о мѣстно-национальной русской церкви, на обычай и установлениія которой была перенесена мысль о святости и неизмѣнности существенныхъ основъ церковной жизни. Русь успѣла уже къ тому времени заявить устами и перомъ своихъ книжниковъ, что ея традиционныя религиозно-бытовыя формы суть не только показатели чистоты православія, но и необходимое условіе дальнѣйшаго продолженія обще-мировой жизни, конецъ которой неизбѣжно долженъ послѣдовать за искаженіемъ православія въ послѣднемъ, третьемъ Римѣ — Москвѣ. Я не имѣю возможности подробнѣе остановиться въ настоящемъ случаѣ на выясненіи историческихъ условій, подъявленныхъ воздействиемъ которыхъ сложились такія понятія въ древне-русской средѣ¹⁾; но не могу не отмѣтить, что вліяніе ихъ было широко и могущественно. Оно создало тотъ преувеличенній страхъ предъ всяkimъ «новшествіемъ» въ области религиозной жизни, который заставлялъ русскихъ людей относиться съ сомнѣніемъ ко всякой, хотя бы и самой незначительной перемѣнѣ въ церковной обрядности и боязливо сторониться отъ духовнаго общенія съ иноземцами, давно уже поголовно признанными за утратившихъ религиозную истину. Вотъ этотъ-то вѣками воспитанный страхъ и проявился въ тревогѣ упомянутыхъ ранѣе лицъ по поводу первого распоряженія патріарха Никона объ измѣненіи русской обрядности въ соответствіе съ обрядовою практикою греческой церкви. Въ ихъ протестѣ противъ этого распоряженія ярко сказалась типическая, наиболѣе характерная сторона древне-русской мыслительности, ставшая основнымъ положител-

¹⁾ Такое выясненіе читатель можетъ найти въ нашей брошюре: „Русский расколъ и вселенское православіе“ (публичная лекція), стр. 9 и слѣд. Спс. 1898.

нымъ принципомъ и только что зарождавшагося старообрядческаго раскола: крайній консерватизмъ въ области мысли и жизни, стремленіе остаться неизмѣнно вѣрными всему наслѣдію прошлаго, освященному авторитетомъ сѣдой старины. «До насть положено, лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ», — вотъ тотъ девизъ, который заявило отдѣлившееся отъ церкви старообрядчество устами одного изъ первыхъ своихъ вождей (протопопа Аввакума) и который хотѣло оно сдѣлать закономъ своей жизни на все послѣдующія времена.

Но однимъ этимъ положительнымъ принципомъ не исчерпывается совокупность руководящихъ началъ, ставшихъ основою первоначальнаго раскола. Разросшійся изъ частичнаго протеста немногихъ лицъ противъ патріаршій «памяти» о перстахъ и поклонахъ до степени массового народнаго движения противъ всѣхъ послѣдующихъ церковно-обрядовыхъ исправленій п. Никона, расколъ былъ осужденъ на Большомъ московскомъ соборѣ 1667 года. Это осужденіе, подвергшее упорныхъ защитниковъ старой обрядности церковной анаеміи и разнообразнымъ «градскимъ казненіямъ», отъ урѣзанія языковъ и біенія жилами по примѣрамъ изъ византійской исторіи¹⁾ до сожженія въ срубахъ по «Уложенію» 1649 года (гл. 1, ст. 1—3), естественно должно было поставить расколъ въ рѣзкую оппозицію какъ къ церковной, такъ и къ государственной власти, а равно и ко всѣмъ тѣмъ, кто остаются въ повиновеніи той и другой. Эсхатологическія ожиданія²⁾ и опасенія, широко распространенные въ древне-русской письменности и цѣликомъ усвоенные расколомъ въ эпоху его возникновенія, еще болѣе обостряли эту оппозицію, заставляя видѣть въ господствующей церкви и ставшемъ на ея сторону государствѣ орудія послѣдняго врага Божія — антихриста, который можетъ открыться вскорѣ, такъ какъ съ окончательнымъ потемнѣніемъ православія въ

¹⁾ См. Матер. для ист. раск., т. II, стр. 373—5.

²⁾ То-есть ожиданія конца мира.

русской земль «иного отступления не будеть, вездѣ бо бысть»¹⁾). Эти возарѣнія и опасенія, въ той или другой мѣрѣ раздѣлявшіяся всѣми послѣдователями первоначального раскола, неизбѣжно ставили ихъ въ безусловно-отрицательное отношеніе къ православной церкви, выѣстившей «всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси» въ свои новоиспращенные книги, къ государственной власти съ ея верховными представителями, ибо «то суть рози антихристовы и ими сильно все противническое дѣйство», наконецъ—ко всему православному обществу, запечатлѣвающему себя печатью яко-бы антихристовою въ троеперстномъ сложеніи. Полный разрывъ, разобщеніе съ ними должно было стать, такимъ образомъ, постояннымъ боевымъ знаменемъ и отрицательнымъ опредѣленіемъ старообрядчества, желавшаго сохранить неизмѣнную вѣрность преданіямъ древле-отеческой старины.

Итакъ, неизмѣнно охраняемый во всей своей неприкосновенности дониконовскій религіозно-бытовой строй, огражденный отъ всякой примѣси со стороны еретичествующаго «никоніанства»,— вотъ чѣмъ хотѣть быть, съ первыхъ до послѣднихъ дней своего существованія, русскій старообрядческій расколъ. Немного, однако, потребовалось времени, чтобы показать всю трудность для его послѣдователей неуклонно держаться указанныхъ теоретическихъ началь подъ внушительными воздействиіями жизни, выбитой изъ своей привычной колеи. Даже въ раннюю пору наивысшаго подъема отрицательныхъ чувствъ и враждебныхъ настроеній въ отношеніи къ послѣдователямъ господствующей церкви трудно было избѣжать постоянного жизнеобщенія съ ними и почти невозможно стать въ вліянія существующаго общественного строя съ государственною властью во главѣ. Не менѣе затрудненій возникало для раскола и на пути къ осуществленію его положительной задачи—быть прямымъ продолженіемъ донико-

новской церкви во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ своего религіознаго строя и быта при томъ поистинѣ «безпримѣрномъ» положеніи, въ какомъ оказался онъ по отпаденіи отъ господствующей церкви. Неблагопріятныя для безпрепятственнаго выполненія богослужебно-обрядовыхъ предписаній условія безправнаго положенія раскола въ государствѣ и отсутствіе въ старообрядческой средѣ единомысленаго ей епископа (за смертю единственнаго, открыто ставшаго на сторону протеста, коломенскаго епископа Павла) создавали ту крайнюю «нужду изъ нуждъ», о которой болѣе подробная рѣчь намъ еще предстоитъ впереди. Дальнѣйшая исторія старообрядчества еще болѣе обострила эту коллизію между его основными теоретическими принципами и практическими требованіями жизни, вынуждавшими идти на необходимыя уступки и компромиссы. Основнымъ закономъ жизни при этомъ становилось положеніе, что «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ», благодаря чему всякое вынужденное практическую необходимостью отступленіе отъ исконныхъ обычаевъ и правилъ получало какъ бы нѣкоторую санкцію, быстро превращавшую исключительный, «смотрительный» случай въ постоянный, «обдергный» законъ. Такъ постепенно возникали и наростали въ расколѣ тѣ многочисленныя и разнообразныя измѣненія его первоначальной доктрины, которые, будучи приняты одними и не встрѣтивъ сочувствія у другихъ, порождали рознь среди послѣдователей «древляго благочестія» и вызывали распаденіе ихъ на несогласныя между собою «согласія» и толки. Это непрерывное саморазложеніе раскола подъ давленіемъ роковой необходимости составляетъ основной мотивъ его внутренней исторіи, ярко свидѣтельствующій о неправотѣ коренныхъ основъ отдѣлившагося отъ церкви старообрядчества; онъ заслуживаетъ, поэтому, глубочайшаго вниманія какъ со стороны православныхъ, болѣюющихъ сердцемъ о вѣковомъ церковномъ раздѣленіи, такъ и со стороны честныхъ искателей церковной истины изъ среды самихъ старообряд-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 66.

цевъ.—Настоящее чтеніе имѣть въ виду прослѣдить этотъ процессъ саморазложенія въ одной половинѣ старообрядческаго раскола, такъ называемой *поповщиной*, которая сравнительно съ другой, безпоповщинской частью его, осталась болѣе вѣрною преданіямъ и установленіямъ «древле-благочестивой» старины. Задача наша будетъ состоять въ томъ, чтобы отмѣтить основные моменты названнаго процесса и уяснить ихъ зависимость отъ неизбѣжнаго разлада между указанными руководящими началами раскола и практическими требованіями жизни его послѣдователей.

II.

Несостоятельность этихъ руководящихъ началъ старообрядческаго раскола и невозможность послѣдовательнаго примѣненія ихъ безъ противорѣчія жизненнымъ требованиямъ обнаружилась, впрочемъ, достаточно ясно уже въ самомъ фактѣ распаденія раскола на безпоповщину и поповщину. Признавши господствующую церковь отпавшую отъ истины и ставши въ безусловно-отрицательное отношение къ ней и всѣмъ ея послѣдователямъ, расколъ объявилъ себя и желалъ, какъ мы видѣли, навсегда оставаться прямымъ продолженіемъ дониконовской «истинной» церкви. Но это налагало на него обязанность осуществить въ себѣ и всѣ признаки ея, а къ числу этихъ признаковъ, по катихизическому опредѣленію, кромѣ соблюденія правой вѣры и принятія св. таинствъ, принадлежитъ пребываніе «подъ единою главою — Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, а подъ правленіемъ совершенныхъ святыхъ», т.-е. пастырей и архипастырей, «отъ Него поставленныхъ»¹⁾. Между тѣмъ, стройность и полнота іерархического управлѣнія раскольнической общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безпрепятственная доступность таинствъ для ея послѣдовате-

лей уже на самыхъ первыхъ порахъ значительно затруднялись недостаточностью по мѣстамъ «древле-благочестивыхъ» священниковъ и невозможностью пополненія ихъ числа новыми, чрезъ рукоположеніе отъ «древле-благочестиваго» епископа, за отсутствіемъ такового. Вопросъ іерархіи, такимъ образомъ, неизбѣжно долженъ былъ получить первостепенное значеніе во внутренней жизни первоначального раскола. Острота этого вопроса и неотложность его опредѣленнаго рѣшенія значительно, впрочемъ, умѣрялись какъ недостаточно еще назрѣвшей степенью «нужды» (ибо поповъ старого рукоположенія, не привавшихъ «новизны», было, въ общемъ, все-таки не мало), такъ и невыясненностью положенія самого раскола. Одна часть его послѣдователей, какъ мы уже видѣли, держась на почвѣ эсхатологическихъ мысльй, склонна была ожидать близкаго наступленія кончины міра вслѣдъ за «послѣднимъ отступленіемъ», совершившимся въ русской церкви. По свидѣтельству одного изъ первыхъ расколоучителей, уже около 1670 г. были нѣкоторые, предсказывавшіе «скоро зѣло быти преставлению свѣта сего»²⁾). Другіе не раздѣляли этихъ мрачныхъ опасеній и, оплакивая отступленіе господствующей церкви отъ истины, не теряли надежды на восстановленіе «древляго благочестія» и чаяли скораго «поправленія о Христѣ Іисусѣ»³⁾). Протопопъ Аввакумъ въ посланіи изъ пустозерской тюрмы убѣждалъ царя Алексія Михайловича возстановить старину и отпустить на волю всѣхъ, взятыхъ въ узы, ея ревнителей, увѣренно предупреждая, что сынъ его, все равно, сдѣлаетъ же это по смерти отца: «на шестомъ соборѣ бысть же сіе, — Константина Брадаты проклять же мучителя, отца своего, еретика, и всѣмъ вѣрнымъ и страждущимъ по Христѣ животъ дарова. Тако глаголеть Духъ Святый: мною, грѣшнымъ рабомъ своимъ: и здѣсь то же будеть».

¹⁾ Матер. для ист. раск., т. VII, стр. 419.

²⁾ Матер. т. V, стр. 25; ср. т. IV, стр. 267—8 и др.

³⁾ Б. Калихиз. гл. 25, л. 120.

послы тебе!»¹). Очевидно, для тѣхъ, кто держался любого изъ указанныхъ взглядовъ, не было практической надобности ставить вопросъ о томъ, какъ примирить данное фактическое положеніе съ «обдержаніемъ» закономъ церковной жизни: для тѣхъ и другихъ дѣло шло о кратковременномъ «нуждномъ» времени, которое «изъ правиль вышло». Чтобы указать выходъ изъ затрудненій этого исключительного времени, достаточно было частичныхъ наставленій непринципіального характера, которыми въ большинствѣ случаевъ и ограничиваются первые расколоучители. Нужно, однако, замѣтить, что уже въ этихъ наставленіяхъ сказывается коренная разнѣяность тѣхъ двухъ путей, какими предстояло идти расколу и которые, расходясь впослѣдствіи все дальше и дальше, привели его къ распаденію на двѣ основныя группы. Поводомъ къ обнаруженію этой разнѣи послужилъ выдвинутый на очередь постепенною убылью поповъ старого рукоположенія вопросъ о томъ, нельзя ли до конца переживаемаго «горько-плачевнаго» времени пополнять эту убыль попами новорукоположенными, но возлюбившими старину и отрекши мися отъ никоніанскихъ «новодогматствованій». Типичнымъ представителемъ одного изъ мнѣній по данному вопросу является дьяконъ Феодоръ, въ сочиненіяхъ котораго не трудно найти мысля, довольно опредѣленно говорящія о близкому и неизбѣжномъ наступленіи послѣднихъ, антихристовыхъ временъ. Въ виду тѣсной связи этихъ ожиданий скораго конца міра съ мнѣніемъ о крайнемъ отступлении господствующей церкви, возлюбившей «пестрообразную прелестъ еретичества», вполнѣ естественъ въ воззрѣніяхъ названнаго расколоучителя крайній ригоризмъ, исключающій возможность принятія какихъ бы то ни было священодѣйствій отъ «никоніянъ». Крещеніе ихъ «нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе»²); тѣмъ болѣе это нужно

сказать о ихъ хиротоніи, которая отсюда не должна быть приемлема у «древлеправославныхъ». Даже попы старого рукоположенія, «соблазнившіеся отъ Никона» и потомъ, рассказавшись, начавшіе опять «по древнему служити», могутъ быть принимаемы лишь по крайней нуждѣ, «кромѣ же нуки никакоже»¹). Для болѣе яснаго различія поповъ старого и нового рукоположенія Феодоръ обращается къ примеру. «Нынѣ,—говорить онъ—раздоеніе въ людѣхъ, да познаеть пагубникъ, кто Божій, кто еговъ... Такоже и попы на два чина разѣлися—студныи и мерзкіи, какъ при Иліи бысть вааловы жрецы. Что же студныи тогда быша? Кои жертву Богу приношаху по закону, данному имъ, и освящени Богу до Ахавы отступленія. Егда же повелъ Ахавъ жертву приносити Баалу вмѣсто Бога, тогда они нечестиваго велѣнія послушавше царева, и служаху Баалу, яко Богу, и сего ради студныи глаголются священники по отступленіи. И сему подобны суть попы старыхъ архіереевъ ставленники, покинувше истинную службу отецъ своихъ и начинше лѣстивую и развращенную приносити по новымъ служебникамъ еретическую жертву. Мерзкіе же вааловы жрецы сіе есть: кои въ новой службѣ поставлени суть, Баалу же, паче бѣсомъ служити... Всѣхъ ихъ вкупе, мерзкихъ и студныхъ, единъ Илія святый, обличивъ и ревности Божія исполнився, закла ножемъ, аки свиней. И новые ставленники нынѣ отъ новыхъ отступниковъ мерзкимъ онимъ подобны, къ оной службѣ поставленіи. И сіи оба неправы суть: духовнымъ ножемъ, святыхъ отецъ ревностю, отсѣкаются священства. Да по нужди отъ старыхъ рукоположенцовъ можно благословеніе принимати, обратившихся паки на истину, якоже выше рѣхомъ о семъ»²).—Выразителемъ иного мнѣнія по тому же вопросу является авторитетнѣйшій первоучитель и законодатель раскола, «священнопротопопъ» Аввакумъ. При всей

¹) Матер. т. VIII, стр. 45.

²) Матер. т. VI, стр. 202.

¹) Тамъ же, стр. 62.

²) Тамъ же, стр. 74—5.

фразости его суждений о п. Никонѣ и «никоніанствѣ», отношения его къ православной церкви отличаются большою терпимостью сравнительно съ изложенными мнѣніями дьякона Феодора. Не отрицая «никоніанского» крещенія, а лишь требуя обрядового навершения его по особому чину¹⁾, онъ не отрицаетъ и дѣйственности никоніанской хиротоніи, ставя значеніе священнодѣйствій въ зависимости не отъ того, гдѣ получено рукоположеніе, а отъ личной настроенности священнодѣйствующаго и степени его преданности «древлеблагочестивой» старинѣ. «А ижъ новопоставленный попъ—читаемъ мы въ одномъ изъ его посланій—приидетъ въ покаяніе и прокленеть ересь никоніанскую и чисто учнетъ хранити старое благочестіе, таковыи да глаголеть: «Благословенъ Богъ» и возглагль: «яко Твое есть царство», и служить вечерню, и утреню, и часы, и молитвы роженицамъ говорить и крестить, а литоргисать ему не повелѣваю: страшно дѣло сие и чистыхъ рукополагаемыхъ. Аще ли постраждеть отъ мучителей и кровь свою излѣть за старое благочестіе, мню, тогда можетъ освятитися отъ Вышняго рукоположеніемъ и будеть оттолѣ попъ совершень: литоргисавъ и причащающъ невозбранно»²⁾. Такой новопоставленный попъ, по Аввакуму, безусловно лучше рукоположенного по старому, но не твердаго въ преданіяхъ старинѣ. Эта мысль съ пластическою выразительностью высказана въ «Книгѣ ко всемъ горемыкамъ миленькимъ»—въ слѣдующемъ разсужденіи «священнопртопопа»: «по старому служебнику и новопоставленный попъ, аще въ немъ духъ не богоопротивенъ; да крестить ребенка: гдѣ же дѣтца? нужда стала! Аще и старый попъ по новому служебнику, непріятно. Есть, пишеть въ правилахъ, не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ, кроме еретика. И я то помышляю: инойстанетъ въ попы—тѣ, а душою о старинѣ—той горить. Та-

ковыхъ по нуждѣ приемлемъ. Аще богооборствуетъ и старый чортъ, плюнь на него и съ цаками»³⁾.

Мы видимъ, что въ приведенныхъ разсужденіяхъ обоихъ расколоучителей первостепенное значеніе имѣютъ ссылки на крайнюю «нужду» исключительно-тяжелаго времени, которое «изъ правиль вышло». Ни тотъ ни другой, давая свои практическія наставленія, отнюдь не имѣлъ въ виду узаконять постоянныхъ руководящихъ началь для раскола на все неопределенно-долгое время его дальнѣйшаго существованія, въ твердой увѣренности, что данное положеніе вещей кратковременно, и жизнь не замедлитъ прийти къ своему послѣднему концу, или же вступить въ обычныя, всегдашнія свои нормы. Однако, увѣренность подобныхъ соображеній, устраившихъ необходимость принципіального разрѣшенія возникшихъ вопросовъ, slabѣла сама собою по мѣрѣ того, какъ дальнѣйшимъ ходомъ событий въ средѣ послѣдователей раскола подрывалась мысль о близости осуществленія эсхатологическихъ опасеній однихъ и оптимистическихъ ожиданій другихъ. Ни тѣ, ни другія не искали въ расколѣ совсѣмъ; но эсхатологія представлена, смѣнившіи цѣлый рядъ отдѣльныхъ лицъ, въ которыхъ испуганная мысль старообрядцевъ склонна была видѣть воплощеніе «послѣдняго врага Божія», переработались въ ученіе о духовномъ царствѣ антихриста, имѣющемъ длиться неопределенно-много лѣтъ, а исполненіе оптимистическихъ надеждъ на «поправление о Христѣ Иисусѣ» явно также затягивалось надолго. Стадовилось очевиднымъ для каждого, что исключительная «нужда» раскола продлится еще не мало времени, притомъ—постепенно нарастая въ своей силѣ вслѣдствіе продолжающагося оскудѣнія «древлеблагочестивыхъ» поповъ. При такихъ обстоятельствахъ оказывался неизбѣжнымъ переходъ отъ практическихъ наставленій временнаго назначенія къ установлению новыхъ законовъ жизни для старообрядческаго раскола въ измѣнившихъ его дальнѣйшаго существования.

¹⁾ Матер. т. VIII, стр. 68—9.

²⁾ Бородинъ А. К. Протопопъ Аввакумъ. Прилож., стр. 14. Спб. 1900.

³⁾ Тамъ же, стр. 13—14.

вія. Въ этой законодательной работе расколъ, вѣрный *своимъ* авторитетамъ, пошелъ въ тѣхъ самыхъ двухъ направленихъ, какія были намѣчены въ приведенныхъ много руководственныхъ указаніяхъ двухъ знаменитыхъ его первоучителей. Одни изъ раскольниковъ, принявши мысль о духовномъ царствѣ антихриста и всесцѣло отвергши таинства, будто бы, зараженной его «скверною» господствующей церкви, признали безусловно недѣйственною и ея іерархію; а тафь какъ «древлеблагочестивыхъ» поповъ, крещеныхъ и рукоположенныхъ по старому, почти уже не было, то и рѣшили оставаться *своимъ* безъ поповъ, руководясь положеніемъ, приведеннымъ въ одномъ изъ посланий дьякона Феодора, что «лучше ни отъ кого же наставлятися, нежели отъ злого водиму быти»¹⁾). Окончательную формулировку такое рѣшеніе іерархического вопроса получило на новгородскомъ раскольническомъ «соборѣ» 1694 г., на которомъ были провозглашены уже въ видѣ догмата слѣдующія положенія: «Несомнѣнно намъ вѣрить и прочимъ ученіе творить, еже есть: по грѣхомъ нашимъ въ кончину вѣка достигохомъ, въ и焉е и антихристъ царствуетъ въ мірѣ нынѣ, но царствуетъ духовно» и «въ и焉е православнаго священства *оъ конецъ* по благочестію лишились»²⁾). Другіе пошли по пути, преднамѣченному протопопомъ Аввакумомъ, энергично отстаивавшимъ мысль о неодолїности священства даже и въ антихристовы времена и съ недоумѣніемъ спрашивавшимъ: какъ же можно міру быть безъ поповъ?³⁾ Свою нужду въ лицахъ рукоположенныхъ, за крайнимъ оскудѣніемъ поповъ старого поставленія, эта часть раскола признала возможнымъ на все будущее «нужданое» время удовлетворять принятиемъ къ себѣ новопоставленныхъ священниковъ, приходящихъ отъ господствующей церкви. Окончательное

утвержденіе этого взгляда, въ качествѣ руководящаго принципа, можетъ быть пріурочено приблизительно къ тому же самому времени—къ концу XVII вѣка: въ 1695 г. на Вѣткѣ была отстроена и торжественно освящена церковь при участіи поповъ «новаго» поставленія и съ тѣмъ, чтобы они и впредь могли совершать въ этой церкви литургіи для приношенія безкровной жертвы. Такъ произошло распаденіе старообрядческаго раскола на поповщину и безпоповщину.

Всматриваясь въ этотъ важнѣйшій моментъ исторіи внутренняго саморазложения старообрядчества, не трудно замѣтить, что обѣ половины послѣдняго въ своемъ рѣшеніи іерархическаго вопроса не только непримирамо враждебны одна другой, но и стоять въ рѣзкомъ противорѣчіи съ первоначальными основоположеніями раскола. Безпоповщинское рѣшеніе остается всесцѣло на почвѣ рѣзко-отрицательного отношенія къ православной церкви, какъ царству антихриста и вмѣстилищу всѣхъ ересей; но ревниво оберегая этотъ *отрицательный* принципъ, провозглашенный расколомъ, оно обрекаетъ его послѣдователей, когда-то изъявившихъ готовность умереть за единую букву «азъ», на необходимость лишиться іерархіи и таинствъ, а у старообрядческаго общества отнимаетъ эти необходимые признаки истинной церкви Христовой. Въ противоположность этому поповщина стремится оставаться неизмѣнно вѣрною *положительному* принципу первыхъ вождей старообрядчества и сохранить у себя во всей неприкословенности всѣ формы церковнаго устройства и жизни до никоновскихъ временъ; но то, чего ей удается достигнуть въ этомъ направленіи, достигается цѣною отреченія отъ крайности отрицательнаго взгляда на православную церковь и признанія на первыхъ порахъ значенія хотя за одинъ изъ ея священнодѣйствій—хиротоніей. Жизнь своимъ неумолимымъ давлѣніемъ, такимъ образомъ, очень скоро разрушила внутреннюю цѣлостность раскола и показала шаткость его коренныхъ основъ.

¹⁾ Матер. для ист. раск., т. VI, стр. 63.

²⁾ Проф. Смирновъ И. С. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в., прилож., стр. 41—2. Спб. 1898.

³⁾ Бородинъ, цит. соч., прилож., стр. 14.

III.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что изложенный сейчасъ выводъ, столь неблагопріятный для старообрядческаго раскола, на первыхъ порахъ болѣе замѣтно выступаетъ въ примѣненіи къ безпоповщинской егъ половинѣ, чѣмъ къ такъ называемой поповщинѣ. Уступка, сдѣланныя послѣднею практическимъ требованіемъ жизни, заключалась первоначально — какъ мы уже видѣли — лишь въ томъ, что признано было возможнымъ принимать въ старообрядческое общество священниковъ, рукоположенныхъ «по новому», но крещенныхъ и миропомазанныхъ еще по преданіямъ «древлеблагочестивой старины». Послѣднее обстоятельство давало возможность подводить такихъ обращавцевъ въ старообрядчество подъ категоріею еретиковъ третьаго чина, принимаемыхъ чрезъ *покаяніе* съ отречениемъ отъ ересей, и мы дѣйствительно видимъ, что такая именно практика и примѣнялась къ духовнымъ лицамъ, обращавшимся изъ «никоніанства» въ расколъ въ первыя годы его существованія¹⁾). На ряду съ этимъ еще оставалось въ полной силѣ отрицательное отношеніе ко всѣмъ остальнымъ мнимо-еретическимъ священнодѣйствіямъ господствующей церкви; даже крещеніе, полученное въ ней, продолжало считаться недѣйствительнымъ, и первые «древлеблагочестиви» іереи на Вѣткѣ — Козьма, Степанъ, Іоанъ — «приходящихъ новокрещенныхъ повторяху своимъ крещеніемъ»²⁾). Однако уже близилось время, когда окончательно сойдутъ со сцены новорукоположенные попы старого крещенія, и передъ старообрядчествомъ, «окормляемымъ» бѣгствующими отъ греко-российской церкви священствомъ, возникалъ во всемъ своемъ гроаномъ значеніи вопросъ о возможности

или невозможности принятія бѣглыхъ поповъ, не только рукоположенныхъ, но и крещенныхъ «по новому», и о способѣ ихъ чинопріема. Разрѣшенній утвердительно въ первой своей половинѣ подъ давленіемъ крайней нужды, — таѣкъ какъ иначе и этой части раскола пришлось бы совсѣмъ отказаться отъ священства и пойти вслѣдъ за безпоповщиной, — вопросъ этоѣ второю половиной вынуждалъ послѣдователей поповщины доктрины къ новому отступлѣнію отъ строгости общихъ первоначальныхъ основъ. Правда, неизбѣжная настоятельность такого отступленія была сознана не сразу, и суровое, въ духѣ первоначального ригоризма, требование повторенія или, по крайней мѣрѣ, навершениія «никоніанскаго» крещенія было признано обязательнымъ и въ отношеніи бѣглыхъ поповъ. Мы имѣемъ свидѣтельство, что въ одномъ изъ главныхъ центровъ бѣглопоповщины въ раннюю пору ея существованія, на Вѣткѣ, «учинили сіе надъ однимъ священникомъ, котораго вѣтковскіе попы, съ бабыаго совѣта, перекрестили; но, дабы послѣ перекрещенія попъ не лишился священства, то прежде одѣли онаго во все полное священническое облаченіе, и тако попа погрузили въ воду, который послѣ сего и оставался въ первомъ санѣ»¹⁾). Въ другихъ случаяхъ ограничивались, по выраженію того же свидѣтельства, «политическимъ», а не дѣйствительнымъ крещеніемъ, которое отправлялось слѣдующимъ образомъ: переходящій отъ православной церкви къ вѣтковскому согласію попъ, послѣ некотораго поста и исповѣди, приходилъ въ церковь или часовню въ полномъ священническомъ облаченіи; здѣсь, близъ приготовленной купели, въ присутствіи кума и кумы съ ризками, совершался весь чинъ крещенія по старинному требнику, кромѣ погруженія въ воду; кумъ, обвивши себя и крестника за шею приготовленнымъ на ризки холстомъ, обходилъ съ нимъ трижды

¹⁾ Проф. Смирновъ, цит. соч., стр. 144.

²⁾ Лѣтописи русск. лит. и дрѣвн., изд. Тихонравова, т. IV, отд. III стр. 61.

¹⁾ А. Ioannovъ (Журавлевъ), Полное историч. извѣстіе о древн. стриоильн. и нов. раск., ч. III, стр. 9. Слѣд. 1855.

посоюнь купель при пъніи стиха: «Елици во Христа крестистеся», послѣ чего совершающій чинопріемъ попъ мазалъ новоприсоединяемаго муромъ «по всемъ членамъ, какъ въ потребникъ значить, отворачивая вездѣ облаченіе и не снимая ни мало ризъ, да не како снявши ризы при семъ дѣйствіи, снимутъ купно съ него и хиротонію»¹⁾. Подобная же практика существовала и на Керженцѣ, гдѣ, вместо полнаго крещенія, обводили попа «около горшка съ водой» и оставляли въ сущемъ санѣ²⁾). Но эти наивныя усилия «исправить» крещенаго «по новому» попа, не снимая съ него ризъ, сами по себѣ уже достаточно ясно говорятъ о тѣхъ затрудненіяхъ, какія испытывали бѣглопоповцы, тщетно стараясь примирить строгость прежнихъ воззрѣй на «никоніансскую» церковь съ необходимостью принимать крещеныхъ и рукоположенныхъ въ ней поповъ. Не удивительно поэтому, что требование переврещиванія приходящихъ отъ нея смѣнилось практикою чинопріема бѣглыхъ поповъ чрезъ *муропомазаніе* съ сохраненіемъ ихъ степеней. Это было новымъ шагомъ по пути уступокъ изъ первоначального ригоризма отношеній старообрядческаго раскола къ православной церкви, которая, съ признаніемъ дѣйствительности совершаемаго въ ней крещенія, переходила въ разрядъ второчинныхъ ересяй; но и на этомъ она не могъ еще остановиться. Не говоря уже о томъ, что возможность устойчиваго примѣненія указанной практики была обусловлена существованіемъ мура, котораго къ концу XVII в. даже въ такомъ центрѣ старообрядчества, какъ Вѣтка, оставалось отъ до-никоновскихъ временъ лишь «съ малую поллошку»³⁾, новое же, сваренное здѣсь попомъ Феодосиемъ, справедливо было отвергнуто, какъ неизаконное,— самая правильность чинопріема духовныхъ лицъ въ сущемъ санѣ чрезъ муро-

помазаніе не могла не представляться сомнительною для болѣе разсудительныхъ изъ самихъ старообрядцевъ. Дѣло въ томъ, что церковныя правила и практика древніхъ временъ допускаютъ присоединеніе еретическихъ духовныхъ лицъ безъ потери ими сана лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда данная форма отклоненія отъ церковной истины допускаетъ возможность уврачеванія чрезъ простое *покаяніе* и отреченіе отъ ересей. Требовалась, такимъ образомъ, новая уступка изъ привычныхъ предубѣждений старообрядчества противъ православной церкви и новое отклоненіе отъ одной изъ его первоначальныхъ основъ. Это мы и находимъ въ бѣглопоповщиковъ толкѣ *дьяконовцевъ*, выдѣлившемся въ первой четверти XVIII в. и получившемъ название отъ основателя своего, настоятеля одного изъ керженскихъ скитовъ, дьякона Александра. Отличительную особенность названного толка составляетъ признаніе его послѣдователями за правильныя и не противныя благочестію вѣкоторыхъ формъ церковной обрядности, отвергнутыхъ первоначальнымъ расколомъ (четвероконечный крестъ, чтеніе молитвы Иисусовой съ словами: «Боже нашъ»), и вообще болѣе терпимое отношеніе къ господствующей церкви, допускавшее возможность принятія бѣгствующихъ отъ нея священниковъ по *третьему* чину. Споры по этому послѣднему вопросу, возникшие между дьяконовцами и сторонниками прежней «перемазанской» практики, достигли своего крайняго напряженія на такъ называемомъ «перемазанскомъ» соборѣ, происходившемъ въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, въ концѣ 1779 и началѣ 1780 года. Окончательный разрывъ, произошедший здѣсь между споряющими сторонами, послужилъ сильнымъ толчкомъ для одной изъ нихъ искать дальнѣйшаго сближенія съ православною церковью—въ *единовѣріи*, мысль о которомъ зарождается вслѣдъ за тѣмъ въ дьяконовскомъ населеніи стародубскихъ слободъ. Какъ бы въ противовѣсь этому изъ среды тѣхъ, кто остались вѣрными практикѣ чинопріема чрезъ муропомазаніе, въ тѣхъ же самыхъ стародубскихъ слободахъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 10—11.

²⁾ Проф. Смирновъ, цит. соч., стр. 145.

³⁾ Тамъ же, стр. 150.

выдѣляются, незадолго до перемазанского собора, толки *чernobolicev* и *suslovcev*, а въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, такъ называемое, *лужковское согласіе*, въ которыхъ замѣтила тенденція приблизить снова бѣглопоповщину къ отрицательнымъ тенденціямъ первоначальнаго раскола. Въ отличительныхъ особенностяхъ первого изъ названныхъ толковъ: отверженіи присяги и молитвы за царя, непринятіи паспортовъ, запрещеніи идти на государственную службу — не трудно замѣтить отголоски той идеи объ антихристѣ и его господствѣ въ мірѣ, которую поповцы должны были оставить, рѣшившись принимать «бѣгствующихъ» іереевъ отъ господствующей церкви. Возвращеніе къ этой идеѣ съ ея крайне-отрицательными выводами и на раду съ этимъ — готовность принимать бѣглыхъ великороссійскихъ поповъ представляли рѣзкую непослѣдовательность и совершенно безнадежную попытку примирить непремиимое. Въ то время, какъ послѣдователи этого толка сближались съ безпоповцами по указаннымъ своимъ воззрѣніямъ, согласіе сусловцевъ шло навстрѣчу той же беспоповщинѣ практически, отвергая принятие бѣглыхъ поповъ изъ малороссійскихъ епархій по подозрѣнію въ обличательномъ крещеніи и этою подозрительностью въ духѣ первоначальнаго раскола затрудняя для себя возможность имѣть хоть какихъ-нибудь пастырей — отправителей чина церковнаго по уставамъ «древлеблагочестивой» старины. То же самое нужно сказать и о лужковскомъ согласіи, возникшемъ по поводу секретнаго указа 26 марта 1822 года о непресядованіи бѣглыхъ поповъ: въ своемъ отрицаніи дозволеннаго правительствомъ священства, борьбѣ противъ метрикъ и другихъ пунктахъ своего ученія оно является рѣзко непослѣдовательнымъ для бѣглопоповщины поворотомъ въ сторону крайнихъ отрицательныхъ воззрѣній первоначальнаго раскола.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ тѣми дробленіями въ поповщинѣ, которые возникали на почвѣ непоколебимой вѣры въ правоту старообрядческаго общества, «окормляе-

маго» бѣгствующими отъ великороссійской церкви священствомъ. Но былъ еще одинъ вопросъ, который имѣть громадное значеніе для этой половины старообрядчества и фактическое разрѣшеніе котораго послужило началомъ новыхъ дробленій въ средѣ его послѣдователей: это вопросъ о *трехчинной* іерархіи, необходимой для полноты правильнаго церковнаго устройства. Судьбу этого вопроса въ расколѣ намъ и нужно прослѣдить теперь.

IV.

Въ своихъ наставленіяхъ объ отношеніи ревнителей «древлеблагочестивой старины» къ священникамъ «новаго» рукоположенія расколоучители первого времени исходили, какъ мы видѣли, изъ мысли о кратковременности того безпримѣрнаго положенія, въ какое стала расколья по отдѣленіи своею отъ православной церкви. Удовлетворяя практической нуждѣ *своего* времени, они считали излишнимъ задаваться вопросомъ объ осуществимости этихъ наставленій и канонической правильности создаваемаго ими устройства «древле-православной церкви», если ея существование въ данныхъ условіяхъ затягивается на долгія времена, — да и едва ли были въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ сколько-нибудь удовлетворительно. По крайней мѣрѣ, дьяконъ Феодоръ на тревожную мысль о томъ, что недостатокъ поповъ, рукоположенныхъ по старому, можетъ наступить ранѣе конца міровой жизни, могъ отвѣтить лишь увѣреніемъ, что «надѣялся на Христа истиннаго не оставленъ будетъ во вѣки всякий правовѣрный»¹⁾). Однако уже ближайшимъ поколѣніемъ той части раскола, которая держалась раскрываемыхъ у этого расколоучителя крайнихъ воззрѣній на «отступленіе», совершившееся въ русской церкви, пришлося убѣдиться въ неприложимости его

¹⁾ Матер. для ист. раск., т. VI, стр. 62.

наставленій къ дальнѣйшему существованію своего общества и, усвоивши мысль о наступившемъ уже духовномъ, неопредѣленно-продолжительномъ царствованіи антихриста, прийти къ безотрадному выводу о прекращеніи истинаго священства навсегда. Это было вполнѣ послѣдовательно съ точки зренія отрицательныхъ основоположеній раскола, хотя и отнимало у данной его части всякое право говорить о себѣ, какъ вѣрной и неизмѣнной хранительницѣ церковныхъ уставовъ и преданій дониконовскихъ временъ. Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для соблюденія выѣщеблагородовыхъ формъ и установленій, унаследованныхъ отъ тѣхъ временъ, оказалась другая часть старообрядчества, которая въ рѣшеніи іерархического вопроса пошла по пути, указанному протопоцомъ Аввакумомъ. Но и для нея одною уступкою изъ отрицательныхъ воззрѣй первоначального раскола на «никоніанство», выражившеся въ принятии бѣглыхъ священниковъ отъ мнимо-еретической господствующей церкви, не исчерпывалась трудность положенія, созданная тѣмъ, что рушились надежды на скорое торжество «древляго благочестія», и наставленіемъ, даннымъ на исключительныя, «изъ правильъ вышедшія», времена, переживаемыя старообрядческимъ обществомъ, приходилось стать основнымъ правиломъ, постоянною нормою его жизни. Когда тревожное исканіе выхода изъ угрожавшей опасности безыерархического существованія, съ установленіемъ бѣглопоповицкой практики и теоріи, смынилось увѣрѣнностью въ возможности безпрепятственнаго удовлетворенія духовныхъ нуждъ чрезъ принятыхъ отъ мнимой ереси священниковъ, изъ-за практическихъ заботъ и споровъ о способѣ ихъ присоединенія должна была выступить мысль о необходимости въ истинной церкви епископа, ея духовнаго главы. Дѣло шло о такомъ существенномъ признакѣ, безъ котораго церковь, по учению старопечатныхъ книгъ, не можетъ существовать и превращается въ «самочинное сборище». Не удивительно поэтому, что мечта о полной, трехчинной іерархіи уже къ

концу XVII в. становится завѣтнымъ предметомъ помышленій для старообрядцевъ, приемлющихъ бѣгствующее священство ¹⁾). Въ высшей степени характерно при этомъ, что смущаемая неоспоримымъ фактомъ отсутствія епископа въ самой бѣглопоповицкѣ, старообрядческая мысль находить себѣ успокоеніе въ *предположеніи*, что истинные епископы существуютъ на свѣтѣ, и весь вопросъ лишь въ томъ, где искать такихъ епископовъ ²⁾). Можно думать, что на первыхъ порахъ, полный острого предубѣжденія противъ всего иноземнаго, расколь въ своихъ поискахъ древлеблагочестиваго епископства не выходилъ изъ предѣловъ русской земли и надѣялся въ ней найти «возглавленіе» своей безглавой общины. За отсутствіемъ соответствующей дѣйствительности, пришла на помощь благочестивая фантазія, поддержанная народными легендами. Явились сказанія о разныхъ «сокровенныхъ» мѣстахъ, богоспасаемыхъ градахъ и обителяхъ, где нерушимо соблюдается «древлее благочестіе», и епископы правовѣрные сіяютъ, какъ солнце. Рассказывали, напримѣръ, о невидимомъ древнемъ городѣ Великомъ Китижѣ. Во времена Батыева нашествія, когда подступили татары къ Великому Китижу, сохранилъ Господь этотъ городъ отъ разоренія: сдѣлался онъ невидимымъ, и будетъ стоять такъ до скончанія вѣка. Есть тамъ и церкви, и монастыри, и множество народа; есть и древле-благочестивый епископъ. Въ лѣтніе вечера въ тихихъ водахъ Свѣтлойра озера видны иногда отраженія златоверхихъ храмовъ китижскихъ и слышенъ звонъ китижскихъ колоколовъ. Существуетъ даже письмо, полученное родителями одного безъ вѣсти пропавшаго сына, котораго они начали уже было поминать за упокой; здѣсь яркими чертами описы-

¹⁾ См. проф. Смирнова—Внутр. вопр., стр. 144.

²⁾ Іеросхимонаха Ioanna—Сказаніе о обращеніи раскольниковъ за-волжскихъ, стр. 108. М. 1876.

вается блаженное житіе въ Китиже и великое благочестіе живущихъ въ немъ святыхъ отцовъ: «сіи бо святіи отцы процвѣтоша, яко крини сельные, и яко финики, и яко випарисы, и яко каменіе драгое и многоцѣнныи бисерь, и яко древа нестарѣющіяся, и яко авѣзы небесныи. И отъ усть ихъ непрестанная молитва къ Отцу небесному, яко еїміамъ благоуханный, и яко вадило избранное, и яко муро добровонное. И едва воощь приидеть, тогда отъ усть ихъ молитва видима, яко столпы пламенные съ искрами огненными, и яко отъ мѣсяца и звѣздъ велий не токмо мѣсту оному свѣтъ, но и всей странѣ оной свѣтъ, яко молния. Въ то время книги чести или писать можно, безъ свѣщнаго сіянія»¹⁾). Находились и люди, которымъ удалось побывать въ этомъ царствѣ святыхъ и которые могли по-разказать о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ довѣрчивымъ слушателямъ, съ умиленiemъ внимавшимъ сказанію о чудесахъ таинственного Китижа. Къ этому-то и къ другимъ, подобнымъ ему, сокрытымъ въ водахъ и подъ землею, пріютамъ «древляго благочестія» съ надеждою обращались взоры его ревнителей, хотѣвшихъ во что бы то ни стало приставити, хоть мечтательную іерархическую главу къ своей «безглавой» церкви. Другие надѣялись отыскать ее за предѣлами русской земли, за широкою пустынею Гоби и Китаемъ, на Бѣловодье, въ далекомъ Опонскомъ царствѣ. «Тамъ жители на островахъ семидесяти, нѣкоторые изъ нихъ и на 500 верстахъ разстояніемъ, а малыхъ острововъ исчислить невозможно. На этихъ-то островахъ инокъ Марко Топозерскій, съ «великимъ любопытствомъ и стараніемъ» искавшій въ восточныхъ странахъ «древляго благочестія православнаго священства, которое весьма нужно ко спасенію», обрѣль съ помощью Божіей «асирскаго языка 179 церквей», имѣющихъ православнаго па-

триарха антіохійскаго поставленія и четырехъ митрополитовъ. «А россійскихъ до сорока церквей тоже имѣютъ митрополита и епископовъ, асирскаго поставленія. Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народа отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто. А кто имѣть сомнѣніе,— предупредительно прибавляетъ инокъ Марко, — то поставляю Бога во свидѣтеля нашего: имать привносится безкровная жертва до второго пришествія Христова. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи принимаютъ первымъ чиномъ, — крестять совершенно въ три погруженія желающихъ тамъ пребыть до скончанія жизни. Бывши со мною два инока согласились вѣчно остатся: приняли святое крещеніе. И глаголютъ они: «вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ человѣкъ и не прикасайтесь имъ, змія, гонящагося за женою: невозможно ему постигнуть жены, скрывшейся въ разсѣлѣ земли». Въ тамошнихъ мѣстахъ татѣбы и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣютъ; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ необычные съ разсѣдинами земными. И громы съ землетрясеніемъ не малымъ бываютъ. И всякие земные плоды бываютъ; рождается виноградъ и сорочинское пшено». Для большей убѣдительности описанія къ нему прилагался и «маршрутъ», указывающій путь въ таинственное Бѣловодье¹⁾). Неизвѣстно, были ли охотники провѣрить справедливость сказанія инока Марка въ XVIII вѣкѣ; но въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія нашелся даже пѣкій «смиренный Аркадій», объявившій себя рукоположеннымъ въ Бѣловодье въ «архіепископа всея Русіи и Сибири». При немъ оказались грамоты: «мирно-

¹⁾) Мельниковъ П. И. (Печерскій), Очерки поповщины, — Полн. собр. соч., изд. Вольфа, т. XIII, стр. 38—39. Арахамеловъ С. А. Среди раскольниковъ и сектантовъ Поволжья, стр. 144—150, Слб. 1899.

¹⁾) „Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опонское царство“ см. въ вышеуказ. соч. Мельникова-Печерскаго, стр. 33—34.

отпущенная» и «ставленная», подписанныя Бѣловодскимъ «крайемъ» Григоріемъ Владимировичемъ, патріархомъ Мелетіемъ, 38 митрополитами, 30 архіепископами, 24 епіскопами, 38 архимандритами и 27 игуменами. Авантура мнимаго архіепископа, несмотря на всю шаткость ея легендарной опоры, имѣла некоторый успѣхъ и создала среди приемлющихъ священство старообрядцевъ новый, хотя и не многочисленный, толькъ послѣдователей славяно-бѣловодской іерархіи. Даже доказанное самозванство Аркадія, оказавшагося оберъ-офицерскимъ сыномъ Антономъ Савельевымъ Пикульскимъ, не подорвало въ конецъ у читателей «святой старожитности» вѣры въ существование таинственного Бѣловодья, маршрутъ въ которое попадается и въ современныхъ намъ рукоисяхъ, вращающихся въ средѣ раскола. — Таковы легендарные сказания и вымыслы, которыми издавна пытались успокоить себя старообрядчество, смущенное отсутствиемъ въ немъ «дрѣвлеблагочестиваго» епіскопа. Тѣ, кого не удовлетворяли подобныя фантазіи, поддавались мечтамъ, болѣе близкимъ къ дѣйствительности: ихъ помыслы направлялись къ райской рѣвѣ Евфрату, въ єиваидскую Емакань, сирійскую Антіохію и даже въ самый Царь-градъ, бывшую столицу объеретичившихся грековъ, которой суждено было стать впослѣдствіи городомъ утишенія и источникомъ благословеній для нашихъ старообрядцевъ. По разсказамъ послѣднихъ, въ XVIII-и XIX столѣтіяхъ неоднократно снаряжались на востокъ специальные посольства съ порученіемъ — изслѣдовать въ называемыхъ мѣстахъ, не имѣется ли гдѣ такого епіскопа, отъ которого могла бы возгорѣться полнымъ огнемъ трехчинная іерархія для старообрядческаго общества. У известного беллетриста-расковоловѣда П. И. Мельникова-Печерского (см. его романъ «Въ лѣсахъ», ч. 1, гл. XI) есть интересный и художественный разсказъ паломника Стуколова, дающій понятіе о трудностяхъ и бесплодности такихъ изысканій. Молодого и энергичнаго послушника Лаврентьевой обители, который «какъ птица изъ

клѣтки, рвался на волю, чтобы идти, куда глаза глядятъ», призываешь вмѣстѣ съ другими монастырскими трудниками игуменъ Аркадій и, напомнивши имъ про оскудѣніе благочестиваго священства, про духовный голодъ, христіанъ постигшій, сообщаетъ имъ о мѣстахъ, гдѣ вѣра, по разсказамъ, соблюдена въ щѣлости и чистотѣ. «Вотъ бы, говорить отецъ игуменъ, порадѣть вамъ, труднички молодые, положить ваши труды на спасеніе всего христіанства. Попытать бы вамъ благодать таковую, тамъ вѣдь много древлеблагодатныхъ епіскоповъ и митрополитовъ. Вызвести бы вамъ хоть одного въ наши российскіе предѣлы, утвердили бы мы въ Россіи корень священства, утолили бы душевный гладъ многаго народа. Свои бы у насъ тогда попы были, не нуждались бы мы въ бѣглецахъ никоніанскихъ. И аще исполните мое слово, въ семъ мірѣ будетъ вамъ отъ людей похвала и слава, а въ будущемъ вѣцѣ отъ Господа неизглаголанное блаженство... Какъ услышала я—рассказываетъ паломникъ—такіе глаголы, тотчасъ игумену земно поклонился, сталь просить его благословенія на подвигъ дальніаго странства. За мной другіе трудники поклонились; повелѣніе пославшаго всѣ готовы исполнить. Снабдилъ насъ игуменъ деньгами на дорогу, даль для памяти тетрадки, какъ и гдѣ искать благочестивыхъ архіереевъ... И пошли мы пятнадцать человѣкъ къ рѣкѣ Дунаю, пришли во градъ Измаиль, а тамъ ужъ наши христіане нась ожидають, игуменъ Аркадій къ нимъ отписалъ до нашего приходу. Безъ паспортовъ пропускъ за Дунай былъ заказанъ, стояла на берегу великая стража, никого безъ паспорта за рѣку не пускала. Въ камыши спровадили нась христолюбцы, а оттолѣ ночью въ рыбакиихъ членокахъ, крадучись, яко тати, на турецкую сторону мы перебралисъ. Тутъ пошли мы въ славное Кубанское войско, то наши христіане казаки, что живуть за Дунаемъ, Некрасовцами зовутся.. Прожили мы у Некрасовцевъ безъ мала полгода, въ ихнемъ монастырѣ, а зовется онъ Славой, и жили мы тамъ въ изобилии и довольствіи. Еще

женія на епископство кого-либо изъ старообрядцевъ молдавскими, греческими, какими бы то ни было епископами, или же привлечь на свою сторону одного изъ вихъ, принявши его въ общеаѣ въ сущемъ санѣ по способу присоединенія къ расколу бѣглыхъ поповъ. Я не буду пересказывать довольно длинного ряда возникшихъ на этой почвѣ эпизодовъ изъ исторіи старообрядчества, полныхъ, по замѣчанію одного изслѣдователя, комическихъ и грустныхъ подробностей, — больше, впрочемъ, грустныхъ, чѣмъ комическихъ, ибо что же смѣшнаго въ непрерывныхъ разочарованіяхъ людей, томимыхъ духовнымъ голодомъ, не умѣющихъ, благодаря застарѣлымъ предубѣжденіямъ, найти вѣрнаго средства къ его утоленію и становящихся жертвою разныхъ безсознѣтныхъ проходимцевъ? Неудачи, испытанныя въ этомъ отношеніи старообрядцами въ первой половинѣ XVIII в., не могли не наводить, по крайней мѣрѣ, наиболѣе внимательныхъ изъ нихъ къ своему положенію, на тѣжелое раздумье. «Увы, брате! — писалъ еще въ 1799 г. одинъ поповецъ своему приятелю на Рогожское кладбище, — увы, да не оскорбимъ васъ словомъ, уже бо кончина приближается ваша; видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на песцѣ, а не на твердомъ камени. Не имѣмъ мы ни епископа, ни священника, благословленного отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа. Сохрани наше Боже, чтобы мы не такъ же ожидали епископа, какъ жды ожидаютъ пришествія Мессіи»¹⁾). Въ томъ же родѣ нѣсколько позже писалъ своимъ единомышленникамъ неизвѣстный по имени иргизскій инонъ: «Окрадая смущенную никоніанскою церковь, новшество преисполненную и св. догматы дерзостно поправшую, тщетно хвалишися, о новый Израїлю, яко бы священства чинъ въ тебѣ не изсякаетъ.

Всue хвалишися! Гдѣ той неизсякаемый источникъ, гдѣ преемственная сть рука апостольскихъ хиротоній? Имѣши ли епископскій чинъ, безъ него же церковь Божія стояти не можетъ? Имѣши ли священное рукоположеніе, муро-совершеніе, антиминсовъ освященіе, епископское благословеніе, равно и судь церковный? Кто можетъ въ тебѣ пресвитеровъ и діаконовъ поставляти, муро совершати, дѣвъ освящати и всѣ дѣла съ разсужденіемъ творити, по 9 правилу св. антіохійскаго собора и по 6 кареагенскаго?¹⁾). Это было писано въ 1820 году. Послѣдовавшія вскорѣ потомъ репрессивныя мѣры правительства, направленныя противъ бѣглопоповства, присоединили къ принципіальнымъ соображеніямъ о необходимости въ «древлѣ-православной» церкви епископа, настойчивое требование практической нужды, въ виду трудности приобрѣтенія бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ, и усилили энергію поисковъ архіерея, согласно перейти въ старообрядчество. Въ 1846 году поиски эти увѣличились, наконецъ, успѣхомъ: за австрійскимъ рубежомъ, въ Вѣлой-Кринице, явился у старообрядцевъ глава и редоначальникъ ихъ новой, поэтой, донынѣ существующей іерархіи въ лицѣ перешедшаго отъ греческой церкви и присоединенного по второму чину бывшаго Босно-Сараевскаго митрополита Амвросія. Это было великимъ торжествомъ для пріемлющаго священство старообрядчества: оно выходило изъ вѣкового, неестественнаго для истинной церкви Христовой, положенія крайней нужды, когда приходилось удовлетворять духовный голодъ «древлеблагочестивыхъ» христіанъ чрезъ сомнительныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ отверженцевъ и отщепенцевъ «никоніанского» священства. Благодать хиротоніи, почти двѣсти лѣтъ, по раскольническому ученію, скрывавшаяся въ безводномъ владѣніи еретичества греко-рussiйской церкви,

¹⁾ Проф. Ивановский Н. И. Объ австрійскомъ священствѣ. Правосл. Обозр. за 1868 г., т. XXVI, стр. 45.

¹⁾ Тамъ же.

была изнесена оттуда и, какъ свѣтильникъ, поставлена на свѣщницѣ, да свѣтить міру; община старообрядцевъ, привавшихъ бѣлокриницкую іерархію, получала законченное устройство, со всѣми видимыми признаками истинной церкви, и переставала быть «безглаговою». Казалось, что насталъ конецъ внутренней розы въ поповщинѣ и для нея пришло время возстановленія давно утраченного единства...

V.

Въ дѣйствительности, однако, результаты указанного событія оказались далеко не соотвѣтствующими подобнымъ ожиданіямъ. Дѣло въ томъ, что уже самое начало бѣлокриницкой іерархіи, полное интригъ, обмановъ и тому подобнаго, способно было возбуждать даже у нѣкоторыхъ изъ наиболѣе близко заинтересованныхъ лицъ сомнѣніе въ доброкачественности дѣла, устроившагося при помощи такихъ темныхъ средствъ. Не менѣе недоразумѣній вызывала она и со стороны своей канонической правильности, при чѣмъ немаловажное значеніе получалъ вновь вопросъ о чинопрѣемѣ и его послѣдствіяхъ для іерархического достоинства новоизбраннаго митрополита—грека, еретичество котораго способно было возбуждать гораздо болѣе сомнѣній, чѣмъ неправославіе, съ старообрядческой точки зрењія, великороссійскихъ духовныхъ лицъ. Къ этому нужно присоединить еще цѣлый рядъ крайне неблагопріятныхъ впечатлѣній отъ дѣйствій первыхъ русскихъ старообрядческихъ архіереевъ, рукоположенныхъ Амвросіемъ и его ближайшимъ преемникомъ, безхарактернымъ и невѣжественнымъ Кирилломъ. Все это въ совокупности давало новоучрежденную іерархію настолько сомнительную въ глазахъ многихъ пріемлющихъ священство старообрядцевъ, что для нихъ представлялось гораздо менѣе сомнительнымъ — остататься при прежнемъ способѣ удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ чрезъ бѣгствующихъ отъ велико-

российской церкви священниковъ, чѣмъ отдаваться духовному водительству австрійско-бѣлокриницкихъ епископовъ и поповъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ появленія новоучрежденной іерархіи въ расколѣ явилось, такимъ образомъ, не объединеніе поповщины, а выдѣленіе изъ нея нового толка—пріемлющихъ австрійское священство.

Да и между самими послѣдователями этого новообразованнаго толка въ старообрядчествѣ единомысліе удержалось очень недолго. Причиною этого было то внутреннее противорѣчіе, въ какое становились старообрядцы фактотъ принятія въ родоначальники своей іерархіи греческаго митрополита, оказавшись въ то же самое время въ значительной своей части не чуждыми старыхъ предубѣждений первоначального раскола противъ греко-российской церкви, какъ впавшей въ крайнюю степень еретичества и оскверненной прелестью антихриста. Оживленію этихъ предубѣждений, повидимому, не мало содѣйствовало самое измѣненіе въ положеніи данной части старообрядчества, почувствовавшей себя, съ учрежденіемъ собственной трехчинной іерархіи, вполнѣ независимо въ сужденіяхъ о греко-российской церкви. Долго сдерживаемая вражда къ ней поповщинскаго раскола нашла себѣ выраженіе въ широкомъ распространеніи среди раскольниковъ-поповцевъ, послѣдователей австрійской іерархіи, безпоповщинскихъ мышлій о наступлении царства антихристова,—о томъ, что имя Спасителя нашего «Іисусъ» есть имя иного бога, антихриста,—что четвероконечный крестъ лишь сѣнь креста Христова, кумиръ, мерзость запустѣнія, ставшая на мѣстѣ святѣ, и т. п. Воспринимая подобнаго рода воззрѣнія при достигнутой полнотѣ церковно-іерархического устройства, расколъ австрійского толка возстановлять, повидимому, во всей цѣлости давно утраченную гармонію положительныхъ и отрицательныхъ основъ первоначальной раскольнической доктрины, — но только, повидимому. Въ дѣйствительности не много нужно было усилий послѣдовательной мысли, чтобы понять, что если

въ греко-рussiйской церкви царствуетъ антихристъ, если имя Иисусъ есть имя иного бога, то и священство Амвросиевъ не можетъ быть признано священствомъ Христовымъ. Неумолимой послѣдовательности этого вывода не могли не признать и лучшіе изъ самихъ старообрядцевъ, привѣшившихъ австрійское священство. Не замедлило появиться и открытое выраженіе съ ихъ стороны противъ указанныхъ безпоповщиковъ мнѣній. Въ февралѣ 1862 года было издано, за подпись «блжориничаго» намѣстника Онуфрия, двухъ раскольническихъ епископовъ и вѣсельныхъ низшихъ духовныхъ лицъ, составленное Илариономъ Егеревымъ Кабановымъ (Есеносомъ), въ сотрудничествѣ съ московскимъ начетчикомъ Семеномъ Семеновымъ, «Окружное посланіе чадомъ единой, святой, обборной, апостольской, древле-православно-каѳолической церкви». Здѣсь, послѣ разбора и опроверженія десяти безпоповщиковъ тетрадокъ, призванныхъ ложными и чуждыми церкви, излагалось положительное ученіе, что истинное священство и бѣкровная жертва всегда были и пребудутъ до скончанія вѣка, что это священство находится въ великорussiйской и греческой церкви, а стало быть и у старообрядцевъ, заимствовавшихъ источникъ священства у грековъ. Въ дальнѣйшемъ содержаніе посланія подробно раскрывалась мысль, что греко-рussiйская церковь вѣрить подъ именемъ Иисуса въ того же Сына Божія, какъ и старообрядцы, и излагалось ученіе о четвероконечномъ крестѣ, евкарістіи, молитвѣ за царя, о лицахъ и времени пришествія антихrista, о давѣ и часѣ кончины міра.. По своему характеру, суждевія обѣ этихъ предметахъ были настолько близки къ ученію православной церкви, что самъ собою напрашивался вопросъ: есть ли какія-нибудь основанія у старообрядцевъ отѣлаться отъ иea? Отвѣтъ на этотъ вопросъ было указаніе на двѣ «важныя и благословныя» вины, заключающіяся—а) въ клятвахъ собора 1667 года и б) въ «жестокословныхъ» порицаніяхъ прежнихъ полемическихъ книгъ на именуемые старые обряды.

Упомянутоѣ было; правда, еще о какихъ-то «новодогматизованіяхъ» русской церкви, но не было указано, въ чёмъ они состоять. Но, какъ видно изъ посланія, эти

Не трудно видѣть, что «Окружное посланіе» почти совершенно стирало чистую границу, которую старались поддерживать вожди старообрядческаго раскола между ними и православною церковью. Оставалось только ждать — и притомъ недолго — официальныхъ разъясненій высшей участіи и правительствующей власти церковной, чтобы устроить послѣдній поводъ раздѣлений и мирно войти въ ограду православной церкви. И если такой шагъ быть въ дѣлѣ святѣтельности, сделанъ сравнительно немногими старообрядцами, раздѣляющими мысли «Окружного посланія», то въ этомъ по всей справедливости можно усматривать лишь печальный плодъ долгой разобщенности, превратившейся въ трудно-побѣдимую привычку. Двухвѣковая история внутренней жизни раскола, желающаго неизменно сохранять обычай и строй дониконовской церкви, приводила, такимъ образомъ, его послѣдователей къ ясному сознанію неправоты ихъ предубѣждений противъ православной церкви. Однако, сила этихъ предубѣждений была еще настолько значительна въ немалой части раскольниковъ австрійскаго толка, что «Окружное посланіе» показалось для нихъ неудобопрѣлемъ и вызвало рѣвное несочувствіе въ ихъ средѣ. Возбужденные имъ споры привели къ раздѣленію старообрядцевъ, принявшихъ австрійскую іерархію, на окружниковъ и противоокружниковъ, при чёмъ тогдашній глава этой іерархіи, митрополитъ Кириллъ, неоднократно оказывался то на той, то на другой сторонѣ, смотря по силѣ оказанныхъ на него вліяній, подкрепленныхъ звонкими аргументами русскихъ рублей. Раздѣленіе это, какъ известно, остается во всѣй силѣ и до сихъ поръ, превращая внутреннюю исторію австрійскаго толка въ рядъ скандальныхъ пререканій между окружническими и противоокружническими епископами, съ взаимными соборными осужденіями и анаѳематствованіями другъ друга.

245051

Не обошлось безъ несогласій и внутри каждой изъ этихъ вновь образовавшихся группъ; но говорить объ этихъ мелкихъ пререканіяхъ и раздорахъ мнѣ не представляется необходимымъ въ настоящемъ случаѣ.

Къ какому же положенію привели поповщинскій расколъ изложенные попытки примиренія непримиримыхъ основъ его первоначальной доктрины съ практическими требованіями жизни? Мы видѣли, что и послѣ учрежденія бѣлокриницкой іерархіи, осуществившей мечты старообрядцевъ о собственномъ «дрѣвлеблагочестивомъ» епископѣ, далеко не всѣ былие сторонники бѣгствующаго отъ великороссійской церкви священства перешли на сторону новыхъ духовныхъ руководителей. Осталось не малое число бѣглопоповцевъ, которые, несмотря на все неудобство положенія церкви безъ іерархической главы, предпочли остаться при прежнемъ источниѣ и способѣ удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, хотя пользованіе этимъ источникомъ въ ближайшія къ намъ времена становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе крайней малочисленности священниковъ, рѣшившихся ради выгоды, даваемыхъ расколомъ, отступить отъ православной церкви. Ревнителямъ и хранителямъ преданій древляго благочестія, какими считали себя бѣглопоповцы, приходилось въ дѣйствительности перейти почти къ беспоповщинской доктрине и практикѣ относительно нѣкоторыхъ священнодѣйствій, надолго откладывая совершение другихъ въ ожиданіи того времени, когда къ нимъ заѣдетъ рѣдкій гость—странствующій бѣглый попъ. Съ какими крайними проявленіями неблагочинія приходилось при этомъ волей-неволей мириться духовному стаду бродячаго пастыря, довольно выразительно говорить слѣдующая картинка изъ сравнительно недавняго прошлаго. Нѣкій Амосъ Андроньевъ Саргновъ, занимавшійся провозгомъ бѣглыхъ поповъ въ области войска Донского, привезъ однажды на хуторъ Рогожинскій попа Прокопія, старого, еле дышащаго: ему было около девяноста лѣтъ. Требъ накопилось много, такъ

что нужно было окрестить около пятидесяти младенцевъ. «Батюшка же—рассказываетъ очевидецъ—быль старъ, и кромѣ того очень пьянъ, почему требы совершались при батюшкѣ спящемъ на стулѣ въ сидячемъ положеніи: И какъ только онъ начинаетъ глазами немного смотрѣть, такъ тотчасъ же требовалъ водки и непремѣнно въ соучастіи съ своимъ вожакомъ Амосомъ. Амосъ бралъ бутыль и рюмку и говорилъ: «ну-ка, батюшка, выпьемъ по одной», не наливая себѣ водки, а только стуча рюмкой объ бутыль; затѣмъ наливаетъ попу со словами: «ну, теперь, батюшка, ты выпей, какъ я выпилъ».—«Брешешь, проклятый Амосъ», бормоталъ пьяный попъ: «ты не пилъ; давай-ка я выпью». Какъ только сдѣлаетъ повтореніе изъ бутылки попъ, и снова покатится спать. Дѣло же идеть своимъ чередомъ. Подошло время погружать младенцевъ въ воду. Батюшка сдѣлался еще пьянѣе. Амосъ, какъ привычный къ этому дѣлу и имѣя денежный расчетъ (такъ какъ онъ уже деньги, по одному рублю, собралъ за каждого младенца), завязываетъ полы позади халата, засучиваетъ рукава и принимается погружать младенцевъ. Подошло время ходить вокругъ купели. Нѣсколько человѣкъ берутъ стуль съ спящимъ попомъ и носятъ его кругомъ купели, какъ мертвый трупъ, съ пѣніемъ: «Елизы во Христѣ» и проч. Не успѣли обнести три раза, какъ нашъ попъ отъ шума, къ великому горю, проснулся и закричалъ дурнымъ необычайнымъ голосомъ: «што вы дѣлаете, проклятые раскольники, куда вы меня несете? время выпить!» Такъ—съ грустною ironіею заканчиваетъ рассказчикъ—совершилось крещеніе нашихъ малютокъ по древнему требнику безъ малйшаго пропуска, съ пьянымъ полумертвымъ попомъ». Все шло гладко и кончилось бы благополучно, если бы захмѣльвшій отщепенецъ православного священства не благословилъ кого-то, по старой привычкѣ, именословно. Это произвело крайній соблазнъ среди раскольниковъ, и старики, посовѣтовавшись между собою, рѣшили оставить бѣглыхъ поповъ и перейти къ

«австрійцамъ»¹⁾. Но что найдеть старообрядецъ, ревностный о формахъ церковнаго благочинія, и въ этой второй половинѣ поповицкаго раскола? Взаимные споры окружническихъ и противокружническихъ епископовъ, вражду и раздѣлениа въ ихъ паствахъ, своеобразныя измышенія сумудраго богословствованія новыхъ «столповъ» старообрядчества и почти поголовное невѣжество какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ раскольническомъ духовенствѣ. У насъ — признается одинъ изъ старообрядческихъ архіереевъ — только «грубость и невѣжество и поголовная безграмотность. Посмотришь на нашихъ духовныхъ пастырей, такъ жутко становится! Иной отецъ духовный забукитъ путемъ не знаетъ!»²⁾ Не мудрею, что такие невѣжественные попы, — бывшия пастухи, дворняки, сапожники, отставные солдаты и т. п., — отправляли службу безчинно, а иногда и совсѣмъ не были въ состояніи выполнять даже вѣщающую сторону своего служенія. Такъ, одинъ московскій попъ, по свидѣтельству его сослуживца, «бывалъ за проскомидіей, въ церкви, ругается всачески, даже непристойными словами». Про другого попа одинъ старообрядецъ съ простодушемъ разсказываетъ: «вышелъ онъ ато

¹⁾ Miss. Сборн. за 1902 г., кн. 1, стр. 29—30. — Намъ могутъ замѣтить, что приведенный фактъ не представляется чѣмъ-либо характеристического для бѣлопоповиціи, потому что безобразная сцена съ пьянымъ попомъ, какъ исключеніе, возможна не въ одномъ только расколѣ. Но дѣло въ томъ, что въ бѣлопоповиціи подобные случаи совсѣмъ не единичныя исключения, а заурядны, и притомъ неизбѣжный фактъ. Для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ у бѣлопоповцевъ нѣть другого источника, кроме отступниковъ православно-русской іерархіи; но какой же честный и правственно-добропорядочный православный священникъ рѣшился отвергнуть истинную церковь Христову, чтобы перейти въ расколъ? Бѣлопоповцамъ, волей-неволей приходится, поэтому, мириться съ печальною мыслью о поголовной порочности своихъ духовныхъ вождей и терпѣть совершаемыя ими безобразія. «Гдѣ дѣтца? нужда стала!»

²⁾ Селян. С. М. Марков. Краткій исторический очеркъ австрійского раскольническаго оглашенства, стр. 116. Калуга, 1885.

на обѣдни съ дарами, да и живить: чего бишъ миѣ бадѣть то?... Ну, дѣяли ему тутъ же подсказали»¹⁾. Это ли — то состояніе церковнаго благочинія и богослужебнаго порядка, о которомъ мечтали первые вожди старообрядческаго раскола, подписавшіе протестъ противъ патріаршей «памяти» о перстахъ и щоклонахъ?

Оглядывая, въ заключеніе всего сказаннаго, общимъ взглядомъ прослѣженій нами путь постепеннаго раздробленія старообрядчества на разныя согласія и толки, мы можемъ съ полнымъ правою указать на эту двухъ съ половиною вѣковую исторію послѣдовательныхъ измѣненій его доктрины, какъ на яркое и неопровергнутое доказательство неправоты ея первоначальныхъ основъ. Исходные положенія раскола не выдержали провѣрки въ процессѣ его историческаго существованія и подъ давленіемъ практическихъ требованій обнаружили свою внутреннюю несостоятельность и непримиримость. Въ тѣхъ случаяхъ когда расколъ, вѣрный своему консервативному принципу, хотѣлъ въ своей организаціи и религіозно-обрядовомъ строѣ быть вѣрнымъ продолжателемъ древне-русской церковности, онъ неизбѣжно оказывался вынужденнымъ отказываться отъ крайнихъ предубѣждений своихъ первыхъ вождей противъ мнемаго еретичества «никоніанской» церкви и идти къ сближенію съ ней. И, наоборотъ, выдвигая на первый планъ и дѣлая основнымъ закономъ своей жизни вражду къ православію, онъ столь же неизбѣжно утрачивалъ возможность сохранить тѣ положительныя черты, въ которыхъ отражался церковный строй и богослужебный порядокъ до никоновскихъ временъ. Отклоняясь въ ту или другую сторону, онъ уклонялся вмѣстѣ съ тѣмъ отъ одного изъ основоположеній своихъ первоучителей и вносила разрывъ и распаденіе въ свою собственную среду. Раздроб-

¹⁾ Тамъ же, стр. 117.

ление старообрядческого раскола на толки и согласия является, такимъ образомъ, не рядомъ мелкихъ эпизодическихъ подробностей, вызванныхъ случайнымъ стечениемъ обстоятельствъ и личнымъ произволомъ вожаковъ, а основнымъ мотивомъ его внутренней исторіи, созданнымъ коллизіей основныхъ принциповъ на почвѣ того фактическаго положенія, начало котораго современно началу самого раскола. Благодаря этому положенію, расколъ съ первыхъ дней своего существованія оказался непрочнымъ, самораспадающимся зданіемъ, построеннымъ не на твердомъ камнѣ церковнаго исповѣданія, а на зыбкомъ пескѣ измѣнчивыхъ человѣческихъ мнѣній, — самораздѣляющимся царствомъ, не имѣющимъ твердости своихъ жизненныхъ основъ. И какъ грозный, но справедливый приговоръ, звучить для него иллюзорное евангельское слово: «всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣть; и всякий городъ или домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, не устоитъ» (Мате. XII, 25).

1961

CAPATOB

No 6

ХОДЫНИКИ
ПОГЛЕДЫ